

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОБЛАДАТЕЛЬ СУВЕРЕНИТЕТА»
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В. А. ТОКАРЕВ*

Токарев Василий Алексеевич,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой истории
государства и права Самарской
государственной областной
академии (Наянковой),
докторант Университета Париж
X-Нантер

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с понятием «обладатель суверенитета», поставленные современными английскими и французскими специалистами по конституционному праву и общей теории государства. Прослеживается эволюция этого понятия от его первого появления в научной литературе до нашего времени, а также поднимается вопрос о наиболее адекватной методологии его исследования. В частности, различаются сущность и осуществление суверенитета, а также дескриптивная и прескриптивная точки зрения на его содержание. Подчеркивается, что позитивистская эпистемология навязывает юристу выбор дескриптивной точки зрения, но такой выбор не является монополией позитивистской эпистемологии. На основании анализа структуры и содержания концепта суверенитета проводится различие между обладанием суверенитетом и его реализацией. Автор отмечает, что от степени идентификации управляющих с сувереном зависит выбор законодателем определенной модели демократии: прямой (непосредственной), представительной (репрезентативной) или полупрямой.

Несмотря на довольно критичное отношение ряда зарубежных юристов к перспективам понятия «обладатель суверенитета» в XXI в., утверждается, что его эвристический потенциал до конца не исчерпан, если принять во внимание формирование и развитие коммунитарного и международного права в области прав человека. Кроме того, по мнению зарубежных правоведов, в современном дискурсе о конституционном правосудии отсылка к суверенитету народа или нации рискует исчезнуть, и любое рассуждение об обладателе суверенитета становится бесполезным. В результате оказывается проблематичным совмещение конституционного правосудия и демократии, понимаемой как форма правления суверенного народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, суверенитет, народ, нация, прямая демократия, представительная демократия, полупрямая демократия, права человека.

* Tokarev Vasilii Alexeevich — candidate of legal sciences, Head of the Department of History of State and Law at the Samara State Regional Academy (Nayanova), doctoral student at the University of Paris X-Nanterre (France).

E-mail: basiletok@gmail.com

© Токарев В. А., 2016

TOKAREV V. A. TO THE ISSUE OF THE CONCEPT OF THE "SOVEREIGNTY HOLDER"
(COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

The article is devoted to the main issues associated with the concept of the sovereignty holder posed by modern English and French experts on constitutional law and the general theory of state. The author traces the evolution of this concept from its first emergence in the scientific literature to the present time and also raises the question of the most adequate methodology of its research. In particular, the author distinguishes between the essence and the exercise of sovereignty, as well as between the descriptive and the prescriptive points of view on its content. In fact, the positivist epistemology imposes the choice of descriptive terms; however, such choice is not a monopoly of the positivist epistemology. Based on the analysis of the structure and content of the concept of sovereignty, a distinction between the possession of sovereignty and its implementation is made. The author emphasizes that the legislator's choice of a particular model of democracy (direct, representative or semi-direct) depends on the degree of identification of governors with the sovereign. Despite a rather critical attitude of a number of foreign lawyers to the prospects of the concept of the sovereignty holder in the 21st century, the author argues that its heuristic potential is not completely exhausted, considering the formation and development of communitarian and international law in the field of human rights. Besides, in contemporary discourse about constitutional justice the reference to the sovereignty of the people or the nation is likely to disappear, and any argument regarding the sovereignty holder becomes useless. Thus, it appears problematic to combine constitutional justice and democracy viewed as a form of government of the sovereign people.

KEYWORDS: state, sovereignty, people, nation, direct democracy, representative democracy, semi-direct democracy, human rights.

Определение правовой природы суверенитета имеет как теоретическое, так и практическое значение. Прежде всего, речь идет о ключевом понятии общей теории государства, конституционного и международного права, политической науки. Это не только вопрос легитимации государственной власти, но и идеологический, социологический и исторический вопросы. От ответа на них зависит доктринальное обоснование особого положения государства среди иных политических институтов и его независимости в международных отношениях. Выбор законодателем той или иной концепции суверенитета обуславливает закрепление в Конституции принципов прямой, представительной или полупрямой демократии и определяет особенности правоприменительной деятельности органов конституционного контроля. Вместе с тем понимание демократии как формы правления суверенного народа, определяемого на конституционном уровне в качестве «обладателя» (ст. 3 Конституции Франции 1958 г.), «носителя» суверенитета (ст. 3 Конституции РФ 1993 г.), или признание этого статуса за представительным органом власти (например, Парламентом Великобритании) актуализирует проблему определения *обладателя суверенитета*. Принимая во внимание замечание Ф. Джекобса о том, что верховенство права, рассматриваемое как первостепенная ценность, «не может сосуществовать с традиционными концепциями суверенитета»¹, мы считаем, что

¹ *Jacobs F. G. The Sovereignty of Law: The European Way, Hamlyn Lectures 2006. Cambridge University Press, 2007. P. 5.*

необходимо поставить и решить данную проблему с учетом особенностей современного государства и права, развивающихся в условиях глобализации и интернационализации.

Прежде чем определить содержание понятия обладателя суверенитета, следует сделать несколько важных замечаний относительно методологии его исследования. Как утверждает М. Тропер², вопрос о суверенитете может быть рассмотрен как с прескриптивной, так и с дескриптивной точки зрения, что объясняется его принадлежностью к предмету общей теории государства. При этом выбор дескриптивной точки зрения навязывается правоведам позитивистской эпистемологией, хотя на самом деле она не обладает монополией на такой выбор. Естественно-правовые концепции, указывая на необходимость существования в государстве суверенной власти, предваряют описание ее особенностей и атрибутов утверждением о том, что «в каждом государстве есть суверен». Тем не менее подход представителей школы естественного права к определению обладателя суверенитета не выдерживает критики по трем причинам: 1) дескриптивные теории суверенитета типа «в каждом государстве есть суверен» не поддаются анализу и не могут получить подтверждения³; 2) они не являются аналитическими суждениями, так как, если определять государство через суверенитет, а суверенитет как власть, существующую в государстве, то можно попасть в порочный круг; 3) статус правового субъекта, обозначаемый термином «суверен» в том или ином его значении, нельзя считать эмпирическим качеством.

В то же время концепции суверенитета, предлагаемые сторонниками юридического позитивизма, часто сводятся к простому описанию положений действующего права, т. е. к утверждениям типа «согласно позитивному праву государства X обладателем суверенитета является народ». В результате вопрос о значении терминов, используемых в таких утверждениях, остается открытым, а представление о реальном положении вещей в государстве X может оказаться искаженным. М. Тропер справедливо отмечает: «Если конституция провозглашает, что «суверенитет принадлежит народу», то это еще не обязательно означает демократию и всеобщее избирательное право. И если та же конституция устанавливает всеобщее избирательное право или императивный мандат, нельзя, несмотря ни на что, утверждать, что существует логическая связь между этими институтами и провозглашением народного суверенитета»⁴. Позитивисты совершают двойную ошибку, когда полагают, что утверждения типа «согласно позитивному праву государства X обладателем суверенитета является народ» не только выражают правовые нормы, но и могут быть описаны как нормы.

Многие позитивистские концепции обладателя суверенитета основаны на предположении о том, что учредительная власть сначала установ-

² *Troper M. Le titulaire de la souveraineté // Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État. Paris, 2001. P. 285.*

³ *Crick B. Sovereignty // International Encyclopedia of the Social Sciences. T. 15. 1968. P. 76.*

⁴ *Troper M. Le titulaire de la souveraineté. P. 286.*

ливаает общие принципы права, среди которых суверенитет, представительство, разделение властей, а потом дедуцирует из этих общих принципов нормы, определяющие статус и полномочия конкретных органов власти и высших должностных лиц. И здесь обнаруживается еще одно уязвимое место учений о суверенитете, продолжающих традиции юридического позитивизма и, по сути, сближающихся с юснатурализмом, который так же выводит нормы конституционного права из общих принципов, хотя определяет последние не как нормы, а как дескрипции. Между тем, как показывает практика, общие принципы или провозглашаются учредительной властью после установления конкретных правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере осуществления политической власти, или переинтерпретируются в ходе дебатов, если они были провозглашены до установления конкретных норм права. Таким образом, на первый план выходит тот аргументативный контекст, в котором формулируются общие конституционно-правовые принципы, легитимирующие принятое решение.

Означает ли это, что концепция обладателя суверенитета, включающая в себя принципы — аксиологические аргументы, может быть дескриптивной? Французские юристы дают положительный ответ на данный вопрос, но при том условии, что общая теория государства остается метатеорией, объектом которой являются описание и объяснение принципов и теорий, относящихся к государству и конституирующих позитивное право⁵. Отсюда следует, что государство отличается от иных политических форм организации общества наличием теорий, обосновывающих необходимость его существования для эффективного осуществления политической власти. Эти теории, в том числе теория суверенитета, не только побуждают субъектов к подчинению, но и интегрируют концепт суверенитета в концепт государства таким образом, что осуществление политической власти оказывается невозможным без установления отношения между использованием соответствующей теории в дискурсе правителей и организацией государственной власти.

Взгляд на методологию исследования понятия обладателя суверенитета по ту сторону Ла Манша обусловлен компромиссом, достигнутым учеными к концу 80-х годов XX в. В соответствии с ним парламентский суверенитет представляет собой правовое правило, определяющее юридическую силу статутов. Как отмечает Н. В. Барбер, «это правило могло быть выражено в обманчиво простых словах: все, что Королева в Парламенте постановит как статут, является законом»⁶. Практическим следствием этого утверждения является отсутствие возможности заявить в рамках Конституции, что статут находится вне власти Парламента. Иными словами, как только какой-либо уполномоченный субъект, например суд, заключает,

⁵ Brunet P. Michel Troper et la “théorie” générale de l’État. État general d’une théorie // Droits. Revue française de théorie juridique. 2003. N 37. P. 87–110; Troper M. Pour une théorie juridique de l’État. Paris, 1994 (предисловие).

⁶ Barber N. W. The afterlife of Parliamentary sovereignty // International Journal of Constitutional Law. 2011. N 9 (1). P. 144.

что данный документ является статутом, к нему следует относиться как к юридически обязательному до тех пор, пока его не отменит обладатель суверенитета — законодатель⁷.

Кроме того, если допустить, что парламентский суверенитет по своей природе — правовая норма, а не факт, то, следовательно, к нему применяются правила толкования. Так, в случае конфликта между старым и новым статутами суд может потребовать от обладателя суверенитета принять решение, наделяющее юридической силой новый статут, хотя бы косвенно⁸. При этом оба следствия из признания за концептом обладателя суверенитета статуса правовой нормы объединились в общем правиле о практической невозможности существенного самоограничения органа законодательной власти. По авторитетному мнению А. В. Дайси⁹, статут, направленный на ограничение законодательной власти Парламента в определенной сфере, должен был считаться отмененным (или мог быть прямо отменен) любым более поздним статутом, касающимся того же вопроса.

По поводу этого, на первый взгляд, простого правила на протяжении XX в. возникали дискуссии между сторонниками так называемого ортодоксального (У. Вэйд)¹⁰ и формального взглядов на суверенитет (Р. Ф. В. Хьюстон)¹¹. Они спорили о способности обладателя суверенитета ограничить свои будущие воплощения через переопределение законодательной власти. Так, Р. Ф. В. Хьюстон настаивал на возможности Парламента определять, что в будущем будет считаться Парламентом. Причем правовед имел в виду формальные самоограничения (например, необходимость одобрения законопроекта большинством населения на референдуме).

Напротив, У. Вэйд утверждал, что правила идентификации статутов находятся вне компетенции Парламента, а сама модель, предложенная Р. Ф. В. Хьюстоном, в принципе может существовать в рамках правового порядка, но не характерна для Соединенного Королевства. Там законодательная власть Парламента создавалась общим правом, содержащим дополнительные правила, которые относились к статусу обладателя суверенитета и не могли быть изменены законодателем. Если бы Парламент решил переопределить сам себя, то его решение было бы косвенно отменено в дальнейшем, а суды должны были бы не замечать предшествующего статута, переопределившего законодательную власть, т. е. обладателя суверенитета.

Переходя теперь к исследованию содержания понятия «обладатель суверенитета», заметим, что автором современного понятия суверенитета

⁷ *Edinburgh and Dalkeith Railway v. Wauchope* (1842) 8 C. l. & F. 725; *Pickin v. British Railways Board* [1974] A. C. 765, 789.

⁸ *Ellen Street Estates Ltd. v. Minister of Health* [1934] 1 K. B. 590.

⁹ *Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. London, 1959. P. 67–68.

¹⁰ *Wade H. W. R. The Basis of Legal Sovereignty // Cambridge Law Journal*. 1955. Vol. 13. Issue 02. P. 172–188.

¹¹ *Heuston R. F. V. Essays in Constitutional Law*. London, 1964.

в зарубежной научной литературе признается Жан Боден. Более того, как отмечают К. Берендт и Ф. Буон¹², предложив концепт суверенитета, он вместе с тем провел различие между суверенитетом, непрерывным по своей природе, и обладанием властью, которое может прекратиться в любой момент. Французский юрист XVI в. обозначил возможности позитивного определения суверенитета через указание как на его отличительные признаки (абсолютная и постоянная власть государства), так и на полномочия, связанные с ним (правосудие и командование армией). Однако его концепт суверенитета не учитывал того факта, что термин «суверенитет» может иметь несколько значений.

На это обстоятельство обратил внимание в прошлом веке Р. Карре де Мальберг. Он отмечает, что «в своем первоначальном значении слово “суверенитет” указывает на высший уровень, занимаемый государственной властью. Его второе значение связано с совокупностью властей, образующих власть государства, и, следовательно, синонимично этой власти. Наконец, оно используется для характеристики той позиции, которую занимает в государстве высший носитель тактической власти, и суверенитет идентифицируется здесь с властью конкретного органа»¹³. Проводя параллели с немецким языком и обнаруживая в нем три термина, соответствующие этим понятиям (*Souveränität*, *Staatsgewalt* и *Herrschaft*), Р. Карре де Мальберг полагает, что анализ различий между ними позволит обнаружить подлинную природу суверенитета¹⁴.

Сегодня эта концепция может быть принята с рядом существенных оговорок. В первую очередь, различия, проводимые между значениями термина «суверенитет», имеют более важное, чем представлялось Р. Карре де Мальбергу, преимущество перед концепцией Ж. Бодена, так как позволяют ответить на вопрос, почему некоторые суждения о суверенитете, кажущиеся несовместимыми, допускаются в одном юридическом дискурсе. Согласно Р. Карре де Мальбергу, разнообразные суждения, относящиеся к обладателю суверенитета, имеют на самом деле различные объекты, и поэтому они согласуются друг с другом, несмотря на очевидные противоречия между ними. Следовательно, «можно одновременно утверждать, что сувереном является государство, и что сувереном является Парламент. Потому что когда речь идет о государстве, имеется в виду или занимаемая им в международных отношениях позиция, или возможное правовое от-

¹² *Behrendt C., Bouhon F.* Introduction à la Théorie générale de l'État. Bruxelles, 2014. P. 105.

¹³ *Carré de Malberg R.* Contribution à la Théorie générale de l'État. Paris, 2004. P. 79. — Подробное рассмотрение концепции суверенитета Р. Карре де Мальберга выходит за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что после выхода в свет его фундаментального труда «К общей теории государства» в юридической науке окончательно сформировались два основных подхода к определению суверенитета: 1) либо через перечисление всех атрибутов суверена (Ж. Боден, Т. Гоббс) — так называемый позитивный подход; 2) либо через указание на один его существенный признак, а именно на независимость суверена (Р. Карре де Мальберг) — так называемый негативный подход.

¹⁴ *Ibid.* P. 86–88.

ношение с негосударственными властями, что выражается в утверждении о невозможности существования государства в государстве, тогда как суверенитет парламента означает верховенство органа власти»¹⁵.

Второе замечание касается вопроса о неделимости суверенитета, на который концепция Р. Карре де Мальберга не дает однозначного ответа, хотя и указывает направление его поиска. Так, если представлению Ж. Бодена о суверенитете как абсолютной и постоянной власти государства соответствует первое значение термина «суверенитет», то решение проблемы неделимости суверенитета следует искать, понимая под ним власть конкретного органа. Причем речь идет о «высшем носителе тактической власти» в государстве, что может означать как отсутствие над ним вышестоящего органа власти, так и его превосходство над всеми другими органами власти. В первом случае суверенитет разделяется без проблем, поскольку им могут обладать одновременно и на равных основаниях многие субъекты. Напротив, во втором случае он является неделимым, так как очевидно, что либо один орган власти имеет превосходство над всеми остальными, либо никто.

Наконец, за рамками классификации Р. Карре де Мальберга остается понятие народного суверенитета. Народ не является ни государством, ни государственной властью, ни высшим органом власти, а значит, к нему не применимо ни одно из трех значений термина «суверенитет». Однако именно понятие народного суверенитета, как и понятие национального суверенитета, получило широкое признание в конституционном праве с начала становления современного конституционализма. Достаточно вспомнить положения ст. 3 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г.: «Источник всякого суверенитета зиждется, по существу, на нации»¹⁶ или ст. 7 Конституции Франции 1793 г.: «Суверенный народ есть совокупность всех французских граждан»¹⁷. Кроме того, выбор законодателя в пользу того или иного вида суверенитета — народа или нации — имеет вполне определенные практические последствия. Ж. Ведель отмечает: «В теории народного суверенитета избирательное право (т. е. полномочие избирателя) является *правом*, поскольку каждый гражданин обладает в полном смысле этого слова своей частью суверенитета. Напротив, в системе национального суверенитета избирательное право является *функцией*: быть избирателем означает реализовать компетенцию от имени нации. В последнем случае, как и всегда при выполнении любой публичной функции, избирательное право может быть обусловлено законом»¹⁸. При-

¹⁵ *Troper M.* Le titulaire de la souveraineté. P. 284.

¹⁶ Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. М., 2006. С. 81.

¹⁷ Документы истории Великой французской революции. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. М., 1990. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm> (дата обращения: 15.03.2016).

¹⁸ *Vedel G.* Manuel élémentaire de droit constitutionnel. Paris, 2002. P. 131. — Отметим, что это только одно из практических последствий различения двух видов суверенитета. Вторым последствием Ж. Ведель называет предпочтение законодателем одного

мечательно, что и Р. Карре де Мальберг различает народный и национальный суверенитеты, но статусы их обладателей не вписываются в его классификацию.

Решение этой проблемы было найдено еще в XVIII в. авторами французской Декларации прав человека и гражданина, которые в точном соответствии с политическим и юридическим словарем той эпохи признали за народом статус источника суверенитета, его принципа или сущности. Они ввели в оборот новый концепт обладателя суверенитета, проведя различие между обладанием суверенитетом и его реализацией. С этого момента можно было одновременно утверждать, что король или парламент является сувереном и народ тоже является сувереном, поскольку обладает статусом субъекта, легитимирующего наличие государственной власти у органа, не имеющего над собой вышестоящего органа. Таким образом, произошло двойное различие: сущности (принципа) и осуществления суверенитета, а также разделения и передачи (делегирования) суверенитета.

Принимая во внимание указанное различие, М. Тропер дополняет классификацию значений термина «суверенитет», предложенную Р. Карре де Мальбергом, двумя новыми значениями. В результате получается следующий перечень: 1) статус государства, независимого от любой другой внешней или внутренней власти; 2) государственная власть, т. е. совокупность всех полномочий государства; 3) статус органа власти, не имеющего вышестоящего органа, поскольку он осуществляет наивысшую, т. е. законодательную, власть или участвует в ее осуществлении; 4) статус органа власти, находящегося над всеми другими органами; 5) статус субъекта, от имени которого суверенный орган власти (в смысле третьего или четвертого утверждений) осуществляет свою власть¹⁹.

В определенном смысле различие обладания суверенитетом и его реализации коснулось и права Соединенного Королевства. Как отмечает Н. В. Барбер, старое правило о суверенитете после ряда реформ второй половины XX в. и особенно судебного процесса по делу *Factortame* (1991)²⁰

из типов демократии: 1) требующего от большинства граждан обдуманного выражения воли, ориентированного на длительную перспективу, что предполагает, например, создание второй палаты парламента как гаранта стабильности в государстве; 2) не предъявляющего к изъявлению общей воли таких жестких требований (например, во время всеобщих выборов). Когда в конце 1950-х годов во Франции ведущими юристами разрабатывался проект ныне действующей Конституции, между сторонниками теории национального суверенитета и сторонниками теории народного суверенитета шли ожесточенные дискуссии. В итоге был принят компромиссный вариант, закрепленный в ст. 3 Конституции 1958 г.: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума» (цит. по: Конституции зарубежных государств... С. 53).

¹⁹ Troper M. Le titulaire de la souveraineté. P. 285.

²⁰ Испанские рыбаки использовали суда, зарегистрированные в Англии, для лова рыбы в ее экономической зоне вопреки Акту о торговом судоходстве (1988), требовавшему, чтобы собственниками судов были британские подданные. Суд ЕС счел, что содержание Акта противоречит ст. 52 Римского договора, и, по сути, дезавуировал его (см.: Bradley A. The Sovereignty of Parliament — Form or Substance? // The Changing Constitution (7th ed.). Oxford University Press, 2011. P. 35).

уже не препятствует Парламенту ограничивать самого себя как с содержательной, так и с формальной стороны. Обладатель суверенитета может наделить суды правом отменять законодательные акты, нарушающие права человека. «Это не означает, конечно, что было бы разумно предпринять эти шаги, но лишь показывает то, что суверенитет больше не представляет никаких препятствий для их совершения»²¹, — резюмирует Н. В. Барбер.

Современных зарубежных правоведов, несмотря на их принадлежность к разным правовым традициям, объединяет одно — скептическое отношение к судьбе концепта национального (народного) суверенитета в государстве XXI в. Если М. Тропер отмечает, что сегодня отсылка к суверенитету народа или нации рискует исчезнуть в дискурсе о конституционном правосудии и сделать любое рассуждение об обладателе суверенитета бесполезным²², то его оксфордский коллега Н. В. Барбер прямо заявляет о «загробной жизни» суверенитета, представляющей интерес только в качестве интеллектуальной игры для конституционалистов. Однако, по его мнению, было бы лучше, если бы они «перестали обсуждать суверенитет как действующую норму Конституции, как бы ее ни толковали или перетолковывали»²³. Вместо этого он предлагает обратить внимание на такие вопросы, как положение и жизнеспособность Парламента в рамках Конституции, отношения между Великобританией и ЕС, автономизация и др. Признавая актуальность данных вопросов, мы полагаем, что понятие обладателя суверенитета, претерпевшее существенные изменения с того времени, когда Ж. Боденом было введено в научный оборот понятие суверенитета, еще не исчерпало своего эвристического потенциала и важно для осмысления легитимных оснований публичной власти в современном правовом государстве.

Литература

- Barber N. W.* The afterlife of Parliamentary sovereignty // International Journal of Constitutional Law. 2011. N 9 (1). P. 144–154.
- Bradley A.* The Sovereignty of Parliament — Form or Substance? // The Changing Constitution (7th ed.). Oxford University Press, 2011. P. 26–61.
- Brunet P.* Michel Troper et la “théorie” générale de l’État. État general d’une théorie // Droits. Revue française de théorie juridique. PUF. 2003. N 37. P. 87–110.
- Carré de Malberg R.* Contribution à la Théorie générale de l’État. Paris: Dalloz, 2004. 638 p.
- Crick B.* International Encyclopedia of the Social Sciences. T. 15. New York: Macmillan, 1968. P. 76.
- Edinburgh and Dalkeith Railway v. Wauchope (1842) 8 C. I. & F. 725.
- Ellen Street Estates Ltd. v. Minister of Health [1934] 1 K. B. 590.
- Heuston R. F. V.* Essays in Constitutional Law. London: Stevens, 1964. 365 p.
- Jacobs F. G.* The Sovereignty of Law: The European Way, Hamlyn Lectures 2006. Cambridge University Press, 2007. 163 p.

²¹ *Barber N. W.* The afterlife of Parliamentary sovereignty. P. 150.

²² *Troper M.* Le titulaire de la souveraineté. P. 297.

²³ *Barber N. W.* The afterlife of Parliamentary sovereignty. P. 152.

- Pickin v. British Railways Board [1974] A. C. 765, 789.
Troper M. Le titulaire de la souveraineté // Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État. Paris, PUF, 2001. P. 283–299.
Troper M. Pour une théorie juridique de l'État. Paris: PUF, 1994. 358 p.
Vedel G. Manuel élémentaire de droit constitutionnel. Paris: Dalloz, 2002. 617 p.
Wade H. W. R. The Basis of Legal Sovereignty // Cambridge Law Journal. 1955. Vol. 13. Issue 2. P. 172–188.
 Документы истории Великой французской революции. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. М.: Изд-во Московского университета, 1990. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm> (дата обращения: 15.03.2016).
 Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. М.: Волтерс Клувер, 2006. 608 с.

References

- Barber N.W. The afterlife of Parliamentary sovereignty. *International Journal of Constitutional Law*, 2011, no. 9 (1) , pp. 144–154.
 Bradley A. The Sovereignty of Parliament — Form or Substance? *The Changing Constitution* (7th ed.). Oxford University Press, 2011, pp. 26–61.
 Brunet P. Michel Troper et la “théorie” générale de l'État. État general d'une théorie. *Droits. Revue française de théorie juridique*, PUF, 2003, no. 37, pp. 87–110.
 Carré de Malberg R. *Contribution à la Théorie générale de l'État*. Paris: Dalloz, 2004. 638 p.
 Crick B. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. T. 15. New York. Macmillan, 1968, p. 76.
 Edinburgh and Dalkeith Railway v. Wauchope (1842) 8 C. l. & F. 725.
 Ellen Street Estates Ltd. v. Minister of Health [1934] 1 K. B. 590.
 Heuston R. F. V. *Essays in Constitutional Law*. London: Stevens, 1964. 365 p.
 Jacobs F. G. *The Sovereignty of Law: The European Way, Hamlyn Lectures 2006*. Cambridge University Press, 2007. 163 p.
 Pickin v. British Railways Board [1974] A. C. 765, 789.
 Troper M. Le titulaire de la souveraineté. *Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État*. Paris, PUF, 2001, pp. 283–299.
 Troper M. *Pour une théorie juridique de l'État*. Paris, PUF, 1994. 358 p.
 Vedel G. *Manuel élémentaire de droit constitutionnel*. Paris, Dalloz, 2002. 617 p.
 Wade H. W. R. The Basis of Legal Sovereignty. *Cambridge Law Journal*, 1955, vol. 13, issue 2, pp. 172–188.
Dokumenty istorii Velikoi frantsuzskoi revoliutsii [Documents of the French Revolution]. Vol. 1. Ed. A. V. Ado. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1990. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm>. (accessed: 15.03.2016). (In Russian)
 Maklakov V. V. *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniia, Frantsiia, Germaniia, Italiia, Evropeiskii soiuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Iaponiia, Indii: ucheb. posobie [Constitutions of foreign countries: United Kingdom, France, Germany, Italy, European Union, United States of America, Japan, India: studies]*. Moscow, Wolters Kluwer, 2006. 608 p. (In Russian)